

УДК 94(47).06
ББК 63.3(2Рос)51
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).381-400](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).381-400)

А. А. Распопина

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

НЕРЧИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ «АМУРСКОГО ВОПРОСА»

Аннотация. Рассматриваются истоки возникновения «амурского вопроса» в процессе хозяйственного освоения и присоединения сибирских территорий, значимость р. Амура для России и в связи с этим неоднократные попытки решения спорного вопроса. К одной из таких попыток относится организация и работа Нерчинской экспедиции.

Ключевые слова. Освоение Сибири и Приамурья, «амурский вопрос», Нерчинская экспедиция, первопроходцы, посольства в Китай, русско-китайские договоры.

А. А. Raspopina

*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

NERCHINSK EXPEDITION AS AN ATTEMPT OF MANAGING «AMUR ISSUE»

Abstract. The article studies the genesis of «Amur issue» during the process of Siberian territories colonization, importance of the Amur River for Russia, and reviews numerous attempts of managing of the disputable issue. The Nerchinsk expedition was one of such attempts.

Keywords. Colonization of the Siberia and Amur River region, Amur issue, Nerchinsk expedition, pioneers, embassy to China, Sino-Russian treaties.

XVII век стал временем Великих русских географических открытий. Это был период освоения и присоединения новых сибирских территорий. В 1639 г. отряд казаков во главе с Семеном Москвитинным вышел к побережью Охотского моря. Выстроив струги, они исследовали земли ниже р. Уды, побывали в лимане р. Амур и вблизи о-ва Сахалин. Вскоре появляются сведения о Камчатке и Курильских островах. За короткий период времени русские первопроходцы преодолели огромные просторы и вышли к Тихому океану, а уже к концу XVIII в. весь северо-восток Азии вошел в состав России. Границы русского государства раздвинулись.

На присоединяемых к русскому государству землях промышленники и землепроходцы ставят остроги и деревеньки, основывают городки и возводят православные храмы вдоль магистральных сибирских рек Иртыша, Оби, Енисея, Лены, Ангары, Алдана, Амура, оз. Байкал. В первой четверти XVIII в. русские (благодаря стараниям С. Атласова) закрепляются на Камчатке, а спустя непродолжительное время сообщение между Камчаткой и Охотском становится постоянным: первоначально это была длинная и тяжелая сухопутная дорога и лишь через некоторое время удалась разведать морской путь.

Оторванность от полноправного участия в европейских делах, отсутствие выходов к Балтийскому и Черному морям, а затем и поиск нового пути в Индию и Китай через Северные моря, изобилие пушного зверя за Уралом — именно эти мотивы подталкивали русское государство к присоединению и освоению огромных сибирских территорий. Хотя впечатляющие успехи на востоке никак не компенсировали военные неудачи на западной границе — Ливонская война и ее последствия, события Смутного времени, Смоленская война, но уже в то время — в период активного изучения и проникновения европейцев в

новые земли, возможность существования более короткого Северного морского пути в страны специй и пряностей, а также сами сибирские территории вызывали большой интерес у иностранцев. Долгий и тяжелый путь в Индию вокруг Африки, противодействие со стороны португальцев и испанцев вынуждали англичан, голландцев и всех еще не присоединившихся к Великим географическим открытиям искать новые пути проникновения в богатые золотом и пряностями заокеанские страны. Уже в 1513 г. при дворе германского императора Максимилиана высказывались предположения, которые основывались на сведениях русских поморов, о возможности плавания к берегам Индонезии и Индии через холодные северные моря. В середине XVI в., а затем и в первой четверти XVII в. английские и датские мореплаватели предпринимали неоднократные попытки поиска северного пути в юго-восточные страны, но все они окончились неудачно. В то же время такие поиски не могли не насторожить наше государство. Так, в 1619 г. был даже издан специальный царский указ, запрещающий использовать морскую дорогу из Поморья в Сибирь, чтобы «немецкие люди... дороги не узнали и в Мангазею не ездили» [7, с. 59].

Европейцы внимательно следили за продвижением русских «встречь солнца». Первый русский географический атлас С. Ремезова (1669–1701), «Чертеж Сибири П. И. Годунова» (1667) давали богатый информативный материал, оставляя все меньше «белых пятен» на географических картах. С 70-х гг. XVII в. новые географические сведения находят отражение и в западноевропейской картографии. В 1692 г. известный голландский картограф, бывший в то время бургомистром Амстердама Н. К. Витсен на основании сведений, полученных из России, в книге «Северная и Восточная Татария» писал, что вокруг Северо-Восточной Азии «можно было бы доплыть до самой Японии» [7, с. 57].

Новый этап в изучении и освоении Сибири связан с правлением Петра I. Созданные им Математико-навигационная школа и Академия наук сыграли важнейшую роль в подготовке кадров для последующих экспедиций. Перед руководителями экспедиций ставятся новые задачи важные не только в научном, но и в экономическом, стратегическом и политическом направлении, даются четкие инструкции. Результаты деятельности научно-исследовательских партий должны в первую очередь способствовать укреплению России на Дальнем Востоке, содействовать открытию морских путей в Японию, Китай, Индию, помочь в установлении дружественных связей с этими странами. На протяжении нескольких лет в Сибири работают знаменитые 1-я и 2-я Камчатские экспедиции под руководством В. Беринга, позволившие сделать немаловажные открытия. Однако далеко не все, поставленные перед началом работ, задачи им удалось решить, не на все вопросы были получены ответы. Спустя несколько лет, по окончании работы экспедиций Ф. И. Соимонов (будущий руководитель Нерчинской экспедиции) в письмах Г. Ф. Миллеру сетовал на невероятную дороговизну этих предприятий и слишком малую пользу от них. Именно финансовую сторону, а не научную избрали мишенью в своих нападках тот же Ф. Соимонов и А. Вольнский, подчеркивая огромные расходы экспедиции, не соответствующие достигнутым результатам [3, с. 10]. Федор Иванович имел все права высказываться подобным образом. В свое время он подавал Петру I проект предложений по вопросам сношений России с азиатскими странами и Индией, прорабатывал вопросы, связанные с освоением Камчатки и Северной Америки. По данным Л. Гольденберга, Федор Иванович принимал деятельное участие в начальном периоде организационной стадии обсуждения и подготовки Камчатских экспедиций. Кроме того, он был хоро-

шо информирован о ходе освоения дальневосточных земель и четко представлял себе основные государственные задачи России на ее восточных рубежах. Спустя годы, будучи назначенным руководителем Секретной Нерчинской экспедиции, он смог в полной мере проявить свой незаурядный организаторский и исследовательский таланты.

Работа ряда научно-исследовательских экспедиций в Сибири в первой четверти XVIII в. позволила высветить один из самых наболевших вопросов того времени – снабжение, как самих экспедиций, так и населенных пунктов – острогов, портов на востоке России. Отсутствие дорог и реки, текущие в меридиональном направлении, затрудняли снабжение продовольствием, всеми необходимыми материалами и припасами жителей этих территорий. К примеру, до Охотска, единственного на тот момент порта на востоке страны, который являлся отправной точкой многих морских тихоокеанских вояжей промышленников и землепроходцев, научных экспедиций, добраться было чрезвычайно сложно. Наиболее близким к Охотску крупным населенным пунктом был Якутск. Именно здесь складировались необходимые грузы, а потом уже доставлялись в Охотск, но Якутск, в свою очередь, являлся лишь еще одним промежуточным пунктом, куда большая часть грузов (в частности хлеб) поступала из Илимска. В. Н. Шерстобоев отмечал, что в течение XVIII в. илимский хлеб являлся основой продовольственного снабжения всего северо-востока Сибири, то есть Якутского края и Дальнего Востока. И ежегодно вниз по Лене сплавливалось 20–30 тыс. пудов илимского хлеба [9, с. 289].

На транспортировку от Якутска к побережью Охотского моря уходило, как правило, от одного до двух месяцев. Можно было доставить груз, используя вьючную тропу или водную дорогу, которая только на первый взгляд казалась легче. Водный путь шел по

р. Лене до устья Алдана, затем по Алдану поднимался до устья Майи, а по ней до реки Юдомы, по которой уже шел до Юдомского Креста. Достигнув этого пункта, суда перетаскивали волоком на р. Урак, откуда в Охотск можно было попасть двумя путями: еще раз воспользоваться волоком до реки Охоты и по ней уже дойти до Охотска, или спустаться вниз по Ураку до Охотского моря, а затем уже вдоль побережья дойти до Охотска. Дорога была очень тяжелой и безлюдной, что подтолкнуло местные власти ходатайствовать перед правительством о необходимости заселения земель вдоль дороги.

С увеличением количества населенных пунктов на побережье Охотского моря и на Камчатке (Охотск, Удский острог, Гижига, Большерецк, Нижнекамчатск), с деятельностью научных экспедиций и промышленников потребность в доставке продовольствия и необходимых материалов стала ощущаться все острее. Занятие хлебопашеством на новых территориях пока не приносило особых успехов. Хотя из Илимска в Охотск периодически отправлялись семена различных злаковых культур, получать хорошие урожаи на солончаковых супесях и легкосуглинистых почвах (распространённых там) не удавалось. В то же время эффективно было выращивание овощей.

В 1741 г. Охотск официально становится портовым городом, что позволяет в очередной раз поднять вопрос о поиске новых путей для перевозки необходимых грузов. Так, один из первых проектов по снабжению продовольствием Охотска и Камчатки был подан в 1727 г. якутским воеводой Я. А. Ельчиным. Он предложил использовать для этого р. Амур, «ежели б Амур река была в российском владении и можно было от Нерчинска выходить судами в амурское устье, то от Якутска до Охотска пути старание иметь не надлежало б» [7, с. 139]. Однако в то время предложение оставили без внимания по вполне объ-

ективным причинам – еще по Нерчинскому договору между Россией и Китаем не существовало четкой границы между этими странами.

Важность Амура для России не могло не понимать и правительство. Как писал Г. И. Невельской, еще Петр I «уповал, что вопрос об Амуре может быть разрешен в благоприятном смысле, и сознавая всю важность обладания Приамурским краем, переселил в Забайкалье стрельцов» [5, с. 94]. Екатерина II охотно согласилась с мнением Петра I, добавив, что «если бы Амур мог тем только служить, как удобный путь для продовольствия Камчатки и, вообще наших владений на Охотском море, то и тогда обладание оным было бы для нас важным» (цит. по: [5, с. 94]). Здесь явно просматриваются уже не одни только экономические, но и политические причины, обуславливающие необходимость обладания Амуром.

Проекты использования Амура и амурской речной системы для транспортировки грузов высказывались со всей убедительностью, но правительство ничего не могло, да и не решалось предпринять, боясь осложнить дипломатическую ситуацию с Китаем и в довершении ко всему лишиться выгодной торговли в Кяхте (основание которой стало возможным благодаря посольству российского дипломата С. Л. Рагузинского-Владиславича).

Впервые русские появились на Амуре в 40-х гг. XVII в. Так, в 1643 г. из Якутска отправляется экспедиция под руководством Василия Пояркова, а несколько лет спустя – в 1649 г. – по наказу якутского воеводы Дмитрия Францбекова в Приамурье следует экспедиция Ерофея Хабарова и Онуфрия Степанова. Итогами этих экспедиций стало приведение в русское подданство местного населения Амура, низовьев Сунгари и Уссури, основание первых русских поселений и крепостей. По сведениям А. Р. Артемьева, ссылающегося на письменные источники, таких

поселений насчитывалось более 20 [1, с. 106]. Среди них самым заметным стал Албазинский острог. Побывавшие в этом крае первопроходцы, не встретив неприятельских войск и крепостей, уверились в легкости покорения и присоединения Приамурья, не смотря на соседний Китай.

На момент появления русских в этом регионе Китай действительно был занят решением других проблем. В 1644 г. после многолетней маньчжуро-китайской войны императорский престол в Пекине оказался захвачен маньчжурами, которые провозгласили начало маньчжурской династии Цин. Занятая укреплением власти новая династия оставила без пристального внимания северные границы империи и в это время здесь очень удачно появляются русские. Столкновение интересов было неизбежно, что вылилось в вооруженный конфликт в середине 80-х гг. XVII в. Маньчжуры стремились вытеснить русское население с Селемджи, Зеи, Амура. Хозяйственное освоение русскими Приамурья и обьясачивание местного населения лишали маньчжуров поступлений ценной пушнины. Опасались они и того, что примеру некоторых даурских и эвенкийских князей, таких как Гантимур, Туйдохунь, Баодай и Вэньду, добровольно перешедших со своими людьми к русским, могли последовать и другие племена не только левобережья Верхнего Амура, но и его правобережья [1, с. 107]. Поэтому, в 1685 г. Албазинский острог был разрушен маньчжурами и, хотя через год русские его вновь отстроили, после длительной осады острога Китай вынудил русских его покинуть. Вскоре после основания Албазина и других острогов и, очевидно, предполагая возможным в будущем конфликт, Россия попыталась его избежать, отправив в Китай в 1654 г. посольство Ф. Байкова, а в 1675 г. посольство М. Спафария с дипломатической миссией, но династия Цин не сочла нужным их принять. Когда же конфликт все-таки разразился, Россия попыталась ре-

шить его дипломатическим способом, отправив новое посольство Ф. А. Головнина.

Русско-китайские переговоры о разграничении территории и установлении мира в Приамурье завершились подписанием в 1689 г. Нерчинского договора. Переговоры велись на латинском языке в присутствии иезуитов — представлявших интересы Испании и Франции. Определено было, что граница должна пройти по р. Горбице и горам «до моря протяженным... всем рекам малым или великим, которые с полудневые стороны сих гор впадают в реку Амур, бытии под владением Хинского государства; ... всем рекам, которые з другие стороны тех гор идут, тем бытии под державою царского величества Российского государства» [7, с. 567]. При этом большая часть земель между р. Удой и устьем Амура оставались не разграниченными, но предполагалось, что это должно решиться в будущем. Но это же создавало предпосылки для новых политических столкновений в этом регионе. Так, в 1726 г. обстановку на русско-китайской границе определяли как тревожную, в связи с чем осенью того же года было предписано сибирские города «обнести палисадами и окопать рвами». Как отмечает в «Иркутской летописи» Ю. П. Колмаков: «Иркутск был обнесен палисадом... Палисад был усилен 14 люнетами, т.е. земляными укреплениями. Впереди был выкопан ров, наполненный водой, и поставлены рогатки» [4, с. 22].

Осознавая необходимость четкого разграничения территории, Россия предпринимает еще одну дипломатическую миссию. Для продолжения переговоров в Китай направляют посольство во главе с С. Л. Владиславичем-Рагузинским, которые подписывает с представителями Цинской империи два трактата — Буринский (20 августа 1727 г.) и Кяхтинский (21 октября 1727 г.). Согласно этим документам удалось реализовать принцип «каждое государство владеет тем, что у

него есть». За Россией закреплялись земли к западу от р. Аргуни. Земли к югу от р. Уды оставались не разграниченными, что давало России возможность вновь вернуться к этому вопросу в более удобный для себя момент. Осуществить же подобный раздел России представлялось возможным не столько с помощью «терпеливой дипломатии», сколько используя иные средства.

Не имея в Приамурье военных баз и острогов, не занимаясь больше хозяйственным освоением края, вообще практически не присутствуя здесь, Россия не могла предпринимать шаги по пересмотру пунктов Кяхтинского трактата и более четкому пограничному размежеванию. Для этого требовались серьезные подготовительные действия.

В условиях продолжавшегося продвижения русских людей к новым землям, хозяйственного освоения присоединенных территорий, на первое место все чаще и чаще выходили вопросы организации снабжения городов и острожков, отрядов экспедиций, работавших в Сибири. В связи с этим взоры все чаще обращаются к Приамурью и реке Амур, которая может стать удобной водной магистралью, а сами приамурские земли новой житницей. Известно, что земледелие под тем же Албазином развивалось настолько успешно, что уезд полностью обеспечивал себя хлебом, а излишки даже продавал. Здесь выращивали рожь, пшеницу, ячмень, горох и коноплю [1, с. 141]. Успешно развивалось земледелие и в Нерчинске. В свое время еще участники экспедиции В. Пояркова сообщали, что по берегам Зеи и Амура местные племена дауров и дюченов выращивали зерновые и технические культуры — ячмень, овес, просо, гречиху, коноплю, горох; овощи — капусту, репу, огурцы, бобы, чеснок; фрукты — яблоки, груши, а также мак. Эти данные были подтверждены и экспедицией Е. Хабарова [1, с. 138].

Использование амурской речной системы должно было в корне изменить способ доставки необходимых

грузов, удешевив сам провоз и содействовать дальнейшему экономическому развитию Сибирских территорий. По словам Г. И. Невельского, «затруднение продовольствовать Камчатку было причиною того, что в 1745 г. из Камчатки был послан проект в котором доказывалась необходимость для России обладания Амуром и возможность его возвратить действуя с моря, т. е. с устья реки» [5, с. 42]. Правительство понимало и необходимость устройства хорошей сухопутной дороги через сибирские территории, но по сведениям того же Невельского «все труды, направленные на устройство дороги оказывались напрасными. Она могла существовать только в виде тропинки, и сообщение оставалось таким же как было при занятии побережий Охотского моря» [5, с. 107].

Спустя десять лет после завершения работы в Сибири 2-й Камчатской экспедиции вновь заговорили о необходимости продолжить изыскания, но на этот раз основная сфера интересов лежала в Приамурье. Возникла идея организовать новую экспедицию, которую в последствие стали называть Нерчинской (1753–1765) по местопребыванию ее начальника, но на момент ее формирования и работы чаще именовали Секретной. Такое название было дано в связи с необходимостью провести серьезные комплексные работы на юго-востоке Сибири – территории, которая и после подписания Кяхтинского договора по-прежнему оставалась спорной. Работы экспедиции следовало вести в строжайшей секретности в большей степени из-за возможных дипломатических осложнений с Китаем. Экспедиция и все ее действия были настолько засекречены, что некоторые, образованные по ее представлению и необходимые на тот момент учреждения – к примеру, адмиралтейство в Иркутске, уже через несколько лет вызвали массу вопросов и в самом Сенате, и в Адмиралтейств-коллегии, ответить на которые никто не мог [6, с. 347].

Выпустивший в 2014 г. монографию «Нерчинская экспедиция» С. В. Березницкий приводит несколько точек зрения как современников самой экспедиции, так и сегодняшних историков на причины организации новых масштабных изысканий в Сибири [2, с. 294]. Автор отмечает осуществление экспедицией большого объема геодезических, гидрографических, экономических и других исследований в бассейне амурской речной системы. Но стоит отметить, что все эти масштабные разноплановые исследования в первую очередь служили отражением государственного интереса России того времени — стремления утвердиться на Дальнем Востоке, укрепить свои границы, заселить сибирские просторы пашенными людьми, развивать сельское хозяйство, активизировать хозяйственное освоение огромного края.

Все эти моменты можно увидеть и в «представлении» В. А. Мятлева, только что назначенного сибирским губернатором, и в «решении», подготовленном 25 декабря 1753 г. Сенатом и утвержденном Елизаветой, в котором были изложены основные инструкции для руководителя экспедиции Ф. И. Соимонова [7, с. 490–498]. При знакомстве с документами, поражает скорость рассмотрения предложений, высказанных в проекте В. А. Мятлева — П. И. Шувалова «об учреждении в устье Амура верфи и военно-морской базы», при наличии не решенного «амурского вопроса». Речь шла о возобновлении своего рода Камчатских экспедиций, которые снискали далеко не лестную о себе славу. Было признано, что научные результаты Камчатских экспедиций не соответствовали колоссальным финансовым затратам. Была велика опасность осложнения в связи с работами и целями экспедиции дипломатической обстановки с Китаем. И тем не менее, принятые на рассмотрение 15 июня 1753 г. предложения об организации экспедиции, уже к 25 июня того же года были рассмотрены [3, с. 240].

Спустя всего лишь шесть месяцев – 25 декабря 1753 г. императрицей были подписаны основные инструкции. К обсуждению организационных, военных, дипломатических аспектов проекта новой экспедиции привлекались Коллегия иностранных дел, Сибирский приказ, Военная и Адмиралтейская коллегии, Академия наук [3, с. 131].

По предложению В. Мятлева, руководителем экспедиции был назначен Ф. И. Соймонов – известный государственный деятель и гидрограф. На основании инструкции, данной Мятлевым, Соймонов разрабатывал проект водной системы сообщений, включающей в себя Байкал, Селенгу, Шилку, Ингоду, Амур. На этом пути был только один сухопутный отрезок – перевал через Яблоновый хребет. Как позднее писал в своих работах А. Сгибнев (морской офицер, участник первого сплава по Амуру в 1854 г.): «Соймонов предполагал устроить такие суда на Байкале, которые могли бы ходить по р. Селенге до впадения в нее р. Хилка» [8, с. 74]. Затем участок пути следовало пройти на мелкосидящих судах вверх по течению и оставалось преодолеть 50-ти верстный сухопутный участок. Сгибнев пишет, что он проходил «...по болотистой местности, но стараниями Соймонова был доведен до такого состояния, что в 1759 г. рота солдат, прибывшая на судах к этому перевалу со всем своим обозом, амуницией и запасом провианта прошла этим путем в Ингоду, везя весь этот груз на телегах» [8, с. 75]. Некоторые участки этого пути легче было преодолевать в засушливые периоды, когда болота высыхали, и их можно было «проехать на телегах», другие же участки пути – лишь после затяжных дождей, когда уровень воды в реках поднимался. Но все же водный путь в Забайкалье и на р. Амур существовал, и он был на много удобнее чем путь к Охотску.

Для организации водного сообщения предполагалось открыть в Иркутске и Нерчинске адмиралтей-

ства и навигацкие школы. В устье Амура предполагалось основать верфь и построить «3 фрегата от 26 до 34 пушек и вооружить всем по регламенту... и при них 3 или 4 бригаантины или другие какие морские суда, которые бы мелководнее ходили, чтоб при новообъсканных землях могли по мелким водам способнее проходить и в устья впадающих в море рек входить» [7, с. 493].

Завершающим этапом работы Секретной экспедиции должен был стать сплав судов по Амуру, которые должны были затем следовать морем к острогам Удскому и Охотскому. Но если подготовку к этому событию еще можно было осуществлять в тайне от Китая, то само прохождение русских судов по Амуру, не принадлежащему России, могло вызвать неудовольствие китайского императора. В связи с чем, сразу после начала работ Секретной экспедиции, в Петербурге началось обсуждение вопроса о необходимости информирования китайского императора о предполагаемых действиях и отправке в Пекин с особой миссией В. Ф. Братищева. Отправка в Пекин нашего курьера готовилась два года и только в 1756 г. советнику канцелярии В. Ф. Братищеву были выданы необходимые инструкции, с которыми он и проследовал в Пекин. Основной задачей Братищева было получение разрешения у Цинского двора на проход русских судов по Амуру. Кроме того Братищев должен был убедить Пекин в необходимости отправить посольство в Россию, получить согласие на очередное принятие группы русских учеников, которые должны будут учиться в Поднебесной китайскому и маньчжурскому языкам, постараться разрешить ситуацию с приграничными конфликтами «о воздержании своевольных наездов и обид, в российских границах от мунгальского народа чинимых, и о учреждении для того с китайской стороны караулов в тех местах, где оных

нет»¹. Из документов о подготовке миссии в Пекин — Указов Правительствующего Сената о мерах по подготовке миссии В. Братищева в Пекин, Протоколов заседаний Коллегии иностранных дел, Указа императрицы Елизаветы Коллегии иностранных дел о направлении в Китай курьером В. Братищева, документов, предназначенных В. Мятлеву и Селенгинскому коменданту Якоби, а также инструкций для самого Братищева — видно, что ключевым пунктом в них было получение разрешения у китайской стороны на сплав русских судов по Амуру. В решении этого основного вопроса российский дипломат был уполномочен «все силы и наилучшие возможные способы употреблять... подкрепляя домогательства и подарками, кому надлежит из китайцов и римских патеров по состоянию персон и их содействия приличными, из даваемой вам для того нарочно казенной мягкой рухляди, токмо чтоб оные не без пользы употреблены были»².

Коллегия иностранных дел предусматривала возможность отказа китайского правительства, в связи с чем, в письменной инструкции нашего посланника были предусмотрены действия и на сей счет, правда использовать этот ход можно было только в случае совершенно категоричного отказа. Братищев должен был получить разрешение, ссылаясь на дружеские и

¹ В. Ф. Братищев и его миссия в Пекин в 1757 году [Электронный ресурс] // Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6 : 1752–1765 / [сост.: В. С. Мясников, А. И. Тарасова; отв. ред. акад. С. Л. Тихвинский]. М. : Памятники исторической мысли, 2011. URL : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1740-1760/Russ_kit_otn_18_v_VI/framepril2.htm.

² Инструкция, выданная советнику канцелярии В. Ф. Братищеву из Коллегии иностранных дел, в связи с назначением его курьером в Пекин [Электронный ресурс] // Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6 : 1752–1765. URL : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1740-1760/Russ_kit_otn_18_v_VI/1-20/15.htm.

соседские отношения между странами, убеждая, что «ни малейшей обиды китайским подданным, при той реке живущим, показано не будет». Ссылаясь на чрезвычайную важность данного предприятия для России и единственную возможность для доставки продовольствия в населенные пункты на побережье Охотского моря, в случае отказа китайцев он должен был заявить «будто с некоторой угрозой», что «...и без позволения от китайского двора, однако неминуемо будут проходить Амуром российские суда с потребною обороною от помешателей для того, что нет инаго пути для привозу съестных припасов тем гарнизонам и обывателям, кои в российских крепостях и острогах по северо-восточным берегам живут и голод великий претерпевают»³. По расчетам Коллегии иностранных дел, после такого демарша разрешение должно последовать незамедлительно, но поданная в таком виде угроза не возымела воздействия.

По мнению С. В. Березницкого, на исход переговоров, а возможно и на судьбу самой Нерчинской экспедиции могло оказать, хотя возможно и косвенное, но определенно негативное влияние, «дело о перебежчике М. Шульгине», которое могло способствовать и обострению отношений России и Китая [2, с. 161]. В январе 1755 г. китайские власти передали российским властям перебежчика, бывшего каторжника М. Шульгина. Подобные инциденты случались на границе часто, но именно в это время на приграничной территории работала Секретная Нерчинская экспедиция, которая активно вела работы по исследованию судоходства ряда рек и строительству судов. За год до этих событий в августе 1754 г. указом Сената

³ Инструкция, выданная советнику канцелярии В. Ф. Братищеву из Коллегии иностранных дел, в связи с назначением его курьером в Пекин [Электронный ресурс] // Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6 : 1752-1765. URL : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1740-1760/Russ_kit_otn_18_v_VI/1-20/15.htm.

велено было переселить в Нерчинск на первое время нерегулярных казаков до 1500 достойных человек с семьями [3, с. 140]. Учреждение адмиралтейств в Нерчинске и Иркутске, строительство флота, заселение казаками приграничных территорий, активное хозяйственное освоение земель не могли бы не вызвать настороженность у Китая.

В свое время, когда обсуждался вопрос о возможной организации Нерчинской экспедиции, селенгинский комендант Якоби, к которому В. Мятлев обратился с вопросом как удобнее поступить: получить разрешение у Китая, а потом заняться организацией экспедиции или наоборот, высказал свою точку зрения. Якоби считал, что для начала необходимо на Селенгинской и Нерчинской границах поставить провиантские склады, заготовить необходимое количество хлебных запасов, «потом выслать из России достаточное число войска, снабдив его полным вооружением и артиллерией. Когда все эти необходимые меры приведутся в исполнение, тогда только можно будет обратиться к трибуналу с требованием о дозволении свободного плавания по Амуру. Если же со стороны китайского правительство последовал бы отказ, то тогда распорядиться построением на берегах р. Амура крепостей и редутов. Когда же будет сделано, только тогда можно ожидать успеха, ибо китайцы внезапно увидя многочисленную стражу, едва ли будут в состоянии начать какие-либо военные действия» [5, с. 104]. В итоге, начало работ экспедиции под руководством Ф. И. Соймонова совпало с подготовкой миссии в Пекин, и наши представители прибыли в столицу Китая и взялись за обсуждение вопросов о «дозволении сплава по Амуру» как раз в момент, когда работы экспедиции шли полным ходом.

Как раз в то время, когда посольство еще только формировалось, в Китай через границу бежит М. Шульгин и рассказывает властям о том, что руко-

водителем экспедиции Ф. И. Соймоновым с большими военными силами, вооруженными артиллерией, готовится нападение на китайский город Айгунь [2, с. 162]. Китайцы пристрастно допрашивавшие Шульгина, заявили, что Айгунь хорошо укрепленный город и захватить его не представляется возможным, но скорее всего полученная от перебежчика информация была принята к сведению. Китайская сторона выдала беглого русским властям. В марте 1755 г. В. Мятлев направил в Сенат рапорт о случившемся, Шульгин понес наказание и на этом о «деле Шульгина» можно было бы и забыть, но к именно к середине 1755 г., как подчеркивал Л. А. Гольденберг, дипломатическая обстановка вынудила В. Мятлева и Ф. Соймонова приостановить, а затем и вовсе отменить выполнение центральной задачи, связанной с плаванием по Амуру [3, с. 140]. В этой ситуации отправка миссии в Пекин была обречена на неудачу.

Таким образом, главное, ради чего затевалась экспедиция – возможность транспортирования грузов по р. Амур и закрепление новых территорий за Россией пока оказалось неосуществимым. Должно было пройти еще 100 лет, за которые ослаб Китай, Россия наоборот укрепила свое присутствие в Сибири и на Тихоокеанском побережье, когда под руководством Н. Н. Муравьева, названного в последствие Амурским, Россия сможет организовать первый сплав по Амуру, а затем и подписать в 1858 г. знаменитый Айгунский договор, закреплявший левый берег р. Амура за Россией, а правый – за Китаем.

Но все же Секретная Нерчинская экспедиция была заметным событием в истории исследования Сибирских территорий и, несомненно, способствовала решению, хоть и в будущем, «амурского вопроса». Россия смогла продемонстрировать наличие у нее ресурсов и желания закрепиться на Дальнем Востоке. Участники Секретной экспедиции и ее деятельность

вызывают заметный интерес у исследователей, отмечающих ценность проведенных гидрографических, геодезических и астрономических исследований, которые способствовали дальнейшему развитию российской науки.

Список использованной литературы

1. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. / А. Р. Артемьев. — Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока, 1999. — 335 с.
2. Березницкий С. В. Нерчинская экспедиция / С. В. Березницкий — СПб. : МАЭ РАН, 2014. — 296 с.
3. Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соимонов (1692–1780) / Л. А. Гольденберг. — М. : Наука, 1966. — 263 с.
4. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., автор предисл. и примеч. Ю. П. Колмаков. — Иркутск : «Отгиск», 2003. — 848 с.
5. Невельской Г. И. Подвиг русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 / Г. И. Невельской ; 3-е изд. — М. : Географгиз, 1947. — 398 с.
6. Распопина А. А. Иркутское адмиралтейство: материалы о деятельности (по данным РГАВМФ) / А. А. Распопина // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 343–347.
7. Русская тихоокеанская эпопея : сб. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1979. — 607 с.
8. Сгибнев А. Байкал и его судоходство / А. Сгибнев // Морской сборник. — 1870. — Т. 108, № 5. — С. 67–85.
9. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — Т. 2 : Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. — 674 с.

Информация об авторе

Распопина Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: alen_a77@mail.ru.

Author

Raspopina Alena Aleksandrovna — PhD in History, Associate Professor, Department of History and International Relations,

Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail:
alen_a77@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Распопина А. А. Нерчинская экспедиция как попытка решения «амурского вопроса» / А. А. Распопина // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 2. — С. 381–400. — DOI : 10.17150/2308-2588.2016.17(2).381-400.

Reference to article

Raspopina A. A. Nerchinsk expedition as an attempt of managing «Amur issue». *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 2, pp. 381–400. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(2).381-400. (In Russian).